Шушпанов Сергей Сергеевич

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В КОНЦЕПЦИИ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ А. МАКИНТАЙРА

В статье автор проводит исследование взглядов А. Макинтайра на соотношение морали, добродетели и справедливости. Основное внимание уделено вопросу исторического развития и изменения сущности этих понятий. На основе положений теории коммунитаризма сделаны выводы о справедливости как о понятной и ясной обязанности между людьми, имеющей исключительно ситуативный характер и подверженной воздействию многих факторов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 202-205. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. **Бондарь Н., Тихонова Т.** Фольклористы в Угличе // Музыкальная жизнь. 1970. № 15. С. 18-19.
2. **БЭС.** Новейший энциклопедический словарь. 120 000 словарных статей. М.: РИПОЛ классик, 2010. 2144 с.
3. **Земцовский И.** Современный фольклор древнего Углича // Советская музыка. 1970. № 6. С. 86-92.
4. **История современной отечественной музыки**: учебное пособие / ред.-сост. Е. Долинская. М.: Музыка, 2001. Вып. 3. 656 с.
5. **Круглов Ю.** Русские свадебные песни: учебное пособие для педагогических институтов. М.: Высшая школа, 1978. 215 с.
6. **Мюллер В. К.** Англо-русский словарь: 53 000 слов. Изд-е 18-е, стереотип. М.: Рус. яз., 1981. 888 с.
7. **Толковый словарь живого великорусского языка** / сост. В. И. Даль. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. Т. II. 780 с.
8. **Угличские народные песни** (из новых записей русских народных песен) / сост.-ред. И. И. Земцовский. Л. – М.: Советский композитор, 1974. 288 с.
9. **Хохлачѐва М.** Формулы музыкально-слогового ритма в свадебных песнях Саратовского Поволжья. Территориальные параллели и вероятные исторические истоки // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. II. С. 191-195.
10. **Щуров В.** Жанры русского музыкального фольклора: учебное пособие для музыкальных вузов и училищ: в 2-х ч. М.: Музыка, 2007. Ч. 1. История, бытование, музыкально-поэтические особенности. 400 с.
11. **Щуров В.** Стилевые основы русской народной музыки. М.: Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского, 1998. 465 с.

SONGS OF RITE OF BINDING BRIDE
***"ЗАТРУБЯТ-ТО В ТРУБОНЬКУ"* ("WHEN ONE BLOWS THE TRUMPET")**
AND *"ТО НЕ ТРУБОНЬКА ЛИ ЗАТРУБИЛА"* ("IS IT THE TRUMPET THAT BLOWS")
IN S. CHEBOTAREV'S ARRANGEMENT

Shubina Ol'ga Anatol'evna
L. V. Sobinov Saratov State Conservatory (Academy)
osha63@mail.ru

The article analyzes the choral work *"Затрубят-то в трубоньку"* ("When One Blows the Trumpet") by Sergey Chebotarev, who found the inexhaustible source of inspiration in the Russian folk melos. The composition reveals some characteristic features of putting into practice the wedding songs of the rite of binding the bride that got free interpretation in the composer's music. Tying the traditions of the past with the present, the composer emphasizes in the arrangements that unique character, those distinctive, unique features, which indicate the inexhaustible power of folk songwriting.

Key words and phrases: Sergey Chebotarev; wedding songs; wedding rite; folklore; choir; arrangement; folklorized composition.

УДК 304.44; 177.9; 17.026.2
Философские науки

В статье автор проводит исследование взглядов А. Макинтайра на соотношение морали, добродетели и справедливости. Основное внимание уделено вопросу исторического развития и изменения сущности этих понятий. На основе положений теории коммунитаризма сделаны выводы о справедливости как о понятной и ясной обязанности между людьми, имеющей исключительно ситуативный характер и подверженной воздействию многих факторов.

Ключевые слова и фразы: человек; общество; мораль; добродетель; справедливость.

Шушпанов Сергей Сергеевич
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (филиал) в г. Волгограде
sergeyvolg@mail.ru

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В КОНЦЕПЦИИ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ А. МАКИНТАЙРА©

С точки зрения А. Макинтайра, современные представления о морали являют собой отрывки некогда существовавшей концептуальной схемы теоретического и практического понимания морали. Причина этого коренится в социально-исторической «катастрофе», которая, как и многие масштабные исторические изменения, происходила последовательно и незаметно, и не была осмыслена в связи с тем, что изменения в первую очередь коснулись словаря моральной теории. «Абстрактные изменения в моральных концепциях всегда заключены в реальные конкретные обстоятельства. Каждое действие является носителем и выразителем более или менее теоретически нагруженных вер и концепций; каждый фрагмент теоретизирования и каждое выражение веры является политическим и моральным действием» [2, с. 87]. По мнению Макинтайра, одной из задач проекта Просвещения было создание новой рациональной концепции морали, однако, философская мысль XVII – середины XIX века, развивавшаяся вокруг понятий «полезность», «ценность», «благо», «разум», «права», «чувства», «опыт», не смогла создать непротиворечивую нормативную этическую теорию по причине того, что еще на заре Просвещения произошел отказ от «функционально-целевого» представления о человеке.

© Шушпанов С. С., 2014

Макинтайр предпринимает попытку показать исторический процесс изменения значения морали и еѐ социальных детерминант. При этом одним из основных вопросов он считает вопрос о добродетелях: что есть добродетель в различных теориях, какие существуют «каталоги» добродетелей, возможно ли отыскать единую природу добродетели? Поэмы Гомера, по мнению Макинтайра, описывают качества и состояние коллективной морали в героических обществах, которые построены по строгому иерархическому принципу и задают образцы социальных ролей. Базовыми добродетелями для героического общества являются те, которые «позволяют получить превосходство в сражении и играх» [Там же, с. 250], так как именно такие виды соревнования определяют успех родовой общины. Определяющей, для гомеровской концепции добродетелей, является система социальных ролей и жестких обязанностей. В аристотелевском понимании, добродетели определяются целью человека как вида, то есть хорошая жизнь человека характеризуется проявлением добродетелей. Для средневековой трактовки добродетелей характерно заимствование аристотелевского телеологического значения добродетели, проявление которой человеком приводит к достижению сверхъестественного блага – «человеческого воплощения в грядущем царстве божьем» [Там же, с. 251]. Добродетель, начиная с XVII века, приобретает утилитаристский смысл – добродетельная жизнь ведет к достижению земного успеха и процветания, а также может служить залогом счастья и на небе. Макинтайр подчеркивает, что есть один момент, объединяющий все концепции добродетели. Чтобы применять любую теорию добродетели, необходимо предварительное объяснение определенных черт социальной жизни, в терминах которой, теория добродетели должна быть обозначена. Также для применения и понимания конкретной концепции добродетели необходима соответствующая система институтов и практик.

Решая задачу ретроспективы концепций добродетели, Макинтайр преследует цель вывести приемлемое определение добродетели, показать причины разрушения классических концепций добродетели (аристотелевской и библейской), а также попытаться найти путь воскрешения моральной традиции.

«Добродетель есть приобретенное человеческое качество, обладание и проявление которым позволяет нам достичь тех благ, которые являются внутренними по отношению к практике и отсутствие которых эффективно препятствует достижению любых таких благ» [Там же, с. 260]. Это специфическое определение добродетели подчеркивает базовые основания теории Макинтайра, из которых он и выводит данное определение. Первым основанием является классическая моральная концепция Аристотеля, изложенная им в «Никомаховой этике» и «Политике», которая заложила основы телеологического понимания сущности человека. Деятельность, направленная на достижение коллективных благ и счастья, является главной целью человека, для которого обладание добродетелями является и условием и следствием хорошей жизни. Таким образом, практика добродетельной жизни содержит присущие только ей блага, которые приумножаются и разделяются совместно участниками практики. Достижение как коллективных благ, так и индивидуального счастья человеком невозможно без участия в общественной практике. «Добродетели – это те блага, ссылкой на которые, <…> мы определяем наше отношение с теми людьми, с которыми мы разделяем наши цели и стандарты, наполняющие практику» [Там же, с. 261]. Вторым основанием выступает теория практик, с внутренними по отношению к ним благами. Макинтайр понимает под практикой любую упорядоченную форму кооперативной деятельности. Блага, внутренние по отношению к практике, могут быть определены только в терминах конкретной практики, а также идентифицированы только через участие в практике. Внешние блага находятся во владении индивидов, тем самым являются объектами конкуренции. Внутренние блага являются результатом конкуренции за превосходство в конкретной практике, и поэтому их достижение является благом всего общества. Соответственно практики, в которых принимает участие значительное число людей ради саморазвития и повышения качества практики, приносят наибольшее благо обществу. Третьим основанием является нарративный характер человеческой жизни. Макинтайр убежден, что современное атомистическое понимание человеческих действий и периодизация жизни являются неверной философской позицией, губительной для общества, а жизнь «может быть чем-то большим, чем последовательностью индивидуальных действий и эпизодов» [Там же, с. 277]. Нарративная концепция Я связана с концепцией финальной жизненной цели и укорененностью человека в социальной структуре коллектива или общины, имеющей свою историю, задающей роли и стандарты поведения, требующей объяснимости с точки зрения других и с позиции личной истории, имеющей собственный смысл. «Быть субъектом нарратива, <…> значит быть постижимым для действий и опыта, которые составляют нарратируемую жизнь» [Там же, с. 294].

Макинтайр указывает на ряд основных причин разрушения классической концепции морали. Во-первых, это вытеснение из философии и искусства концепции нарративного единства. Современные философские взгляды отделили нарратив от жизни и даже стали противопоставлять их как вымысел и реальность. В искусстве, прежде всего в литературе, произошло «освобождение» от моральных задач, которые раньше решались благодаря непосредственной связи жизни и художественного повествования о ней. Во-вторых, это отказ от концепции практики, с внутренними по отношению к ней благами. Теоретически этот отказ был оформлен в XVII-XVIII вв., когда мораль стала восприниматься как решение проблем человеческого эгоизма. Ключевым моментом в этом переходе Макинтайр видит «выход продукции за пределы дома» [Там же, с. 307]. Производство продукции, необходимой для поддержания жизнедеятельности семьи и дома, а также общественных структур взаимосвязей рода, естественно сочеталось с традиционной концепцией добродетелей. Однако даже незначительное увеличение продукции привело к появлению института приобретательства – процесс производства и сам продукт подчинился безличному капиталу, для которого отношения рода и локальной общины стали препятствием для самовозрастания. Благо стало восприниматься исключительно индивидуалистически и, как правило, материалистически, а утилитарная концепция максимального блага для максимально возможного числа индивидов оказалась суммированием благ разного качества и количества. В-третьих, это изменение

концепции одной из базовых добродетелей – справедливости. В классической моральной концепции справедливость выступает базовой добродетелью по отношению к политической жизни, так как справедливость предполагает согласие относительно содержания и характера остальных конкретных добродетелей. Именно добродетель справедливости и общепринятые её трактовки являют политику «делом подлинно морального консенсуса». Базовым в классической концепции справедливости является понятие заслуг, которое создает основание для моральных суждений относительно добродетелей и несправедливости, при решении задач общины по достижению благ. Однако современные концепции справедливости не включают в себя концепцию заслуг, меняя её на теорию равенства прав, социального контракта или исторического характера приобретения прав.

Макинтайр снова подчеркивает, что «это история, один аспект которой представлен трансформацией форм социальной жизни: доминирование рынков, фабрик и наконец, бюрократии над индивидами, предписывающих самим себе моральную точку зрения», а другим аспектом является «трансформация добродетелей в [современные] концепции и практики» [Там же, с. 308].

Конкретно-исторические условия конца XIX – начала XX века и философские труды того времени повлияли на формирование эмотивистской концепции морали, которая, унаследовав некоторые тезисы утилитаризма, поставила в центр моральной теории проблему индивидуального выбора, определяя любые оценочные суждения через выражение предпочтения, установки или чувства. Таким образом, фактические суждения индивида о поведении не являются ни истинными, ни ложными, а также невозможно добиться согласия по поводу моральных суждений рациональными методами.

«Когда было изобретено отчетливо современное Я, его изобретение потребовало не только по большей части нового социального устройства, но также и устройства, которое определялось не всегда совместимыми верами и концепциями. Так что настоящим изобретением был индивид…» [Там же, с. 88]. С точки зрения эмотивизма, индивидуальные предпочтения и выбор являются первичными по отношению ко всем критериям, принципам и ценностям. Такая ситуация может восприниматься аналитической моральной философией как парадоксальная, ведь мораль – это система правил предпочтения самих ценностей. Это создает проблему стирания грани между личностными и неличностными критериями поведения. Такие надындивидуальные критерии как справедливость, долг, великодушие для современного человека теряют силу убедительности. Уменьшение значимости надындивидуальных критериев поведения может объясняться с точки зрения Макинтайра утратой индивидом предустановленной социальной идентичности и коллективной цели. Любая устойчивая социальная группа наделяет индивида неотъемлемыми характеристиками, устанавливающими его принадлежность к этой группе и определяющими его поступки. Также и наличие общей цели способствует формированию определенного устойчивого типа деятельности и поведения индивида, ожидаемого от него группой. Утрата коллективной идентичности и общей цели позволяет индивиду раскрывать собственный потенциал и действовать по своему усмотрению, однако, в такой ситуации индивид, разорвавший отношения с группой, чаще всего попадает в ситуации слепого выбора и необъяснимого произвола, усугубляющихся отсутствием представлений и знаний об общих рациональных правилах должного поведения. Стирание грани между субъективными и надындивидуальными критериями поведения приводит к росту числа манипулятивных действий индивидов по отношению друг к другу. Макинтайр констатирует следующее: «…современный моральный опыт имеет парадоксальный характер. Потому что каждого из нас учили рассматривать себя как автономного морального субъекта, но каждый из нас также участвовал в различных видах практики, <…> которая вовлекала нас в манипулятивные отношения с другими людьми. В поисках сохранения автономии, <…> мы стремимся, чтобы нами не манипулировали другие; в поисках воплощения наших собственных принципов и нашей точки зрения в мире практик мы обнаруживаем, что у нас нет другого пути, за исключением того, чтобы вступить в манипулятивные виды отношений с другими людьми…» [Там же, с. 98].

Макинтайр формирует и обосновывает исходные положения коммунитаризма: 1) солидарность – главная ценность общественной жизни; 2) общество – солидарность людей, близких по духу, истории, культуре, языку; 3) права общества выше прав индивида; 4) благо имеет приоритет перед справедливостью. Солидарность или общественное единство коммунитаристы считают состоянием, которое уже предполагает наличие справедливости. Коммунитаризм отрицает приоритет права перед благом с позиций морального действия и возможность обобщения эпистемологических утверждений относительно морального знания.

Общество, образуемое на основе общих ценностей, не может быть большим: это локальная группа, именуемая чаще всего «общиной», или ограниченная социальная сфера. Небольшие локальные группы – религиозный приход, сельская община, промысловая артель – солидарны не потому, что их объединяет какая-то внешняя инстанция, а потому, что они принадлежат одному целому, выступающему по отношению к ним как субстанция [3, с. 8]. Как подчеркивает Э. С. Керимов, сочувствие к ближнему в рамках общности с одним образом жизни определяет значимость солидарности [1, с. 86].

Подчеркивая ценность солидарности, коммунитаристы делают шаг к критике либерализма: они утверждают, что солидарными являются только те общества, которые имеют общие, всеми разделяемые ценности. Коммунитаристы предлагают рассматривать справедливость не как условие, при котором атомарные индивиды могут взаимовыгодно общаться, но в качестве условия, при котором люди, имеющие привязанности, частично их идентифицирующие, могут стать друзьями. В законченном виде, критическое замечание коммунитаристов относительно либеральной концепции личности может выглядеть следующим образом. Политическая философия либерализма основана на концепции личности, которая построена отдельно от ценностей, социальных связей и целей субъекта. Личности приписываются характеристики, не связывающие ее с социальным контекстом. Именно такой подход к человеку оборачивается неизбежным антисоциальным злом индивидуализма. Единственной возможной формой общественного взаимодействия при обозначенном понимании человека является договор.

Коммунитаристское движение стремится в первую очередь восстановить ценности коллективизма и гражданского патриотизма. Основными объектами критики философов и ученых, поддерживающих данное направление,

являются общественная мораль, испытывающая нарастающий кризис ценностей, и государственная политика, подрывающая основы общинности и игнорирующая проблемы образования, здравоохранения и безопасности. Улучшение состояния морали в обществе, по мнению коммунитаристов, приведет к сбалансированности прав и обязанностей человека и государства, нивелирует авторитарные тенденции в развитии государства.

Соответствующим выводом относительно справедливости в концепции коммунитаризма может служить мысль С. Г. Чукина: «Социальная же справедливость предполагает предварительную ясность относительно того, чем люди обязаны друг другу, и в чем причина такой взаимной обязанности. Таким образом, оказывается, что справедливость возможна лишь в форме локальной справедливости, поскольку на нее оказывают влияние множество пространственно-временных факторов» [4, с. 15].

Список литературы

1. **Керимов Э. С.** Демократия и справедливость в контексте жизненного мира // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (40): в 2-х ч. Ч. II. С. 85-88.
2. **Макинтайр А.** После добродетели: Исследования теории морали / пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 384 с.
3. **Чукин С. Г.** Проблема обоснования справедливости в современной философии права // История государства и права. 2004. № 5. С. 7-10.
4. **Чукин С. Г.** Справедливость в разделенных обществах: трансверсальный подход // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы: Серия Политология и социология. № 2/4/2010. Волгоград: ВАГС, 2010. С. 13-21.

JUSTICE IN A. McINTYRE'S CONCEPTION OF VIRTUES

Shushpanov Sergei Sergeevich
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Branch) in Volgograd
sergeyvolg@mail.ru

In the article the author conducts the study of A. McIntyre's views on the relation of morality, virtue and justice. Main attention is paid to the historical development and change of the nature of these concepts. On the basis of communitarianism theory postulates the author makes conclusions about justice as understandable and clear responsibility between people having extremely situational nature and exposed to many factors.

Key words and phrases: human being; society; morality; virtue; justice.

УДК 94
Исторические науки и археология

В статье проводится анализ современного состояния праворадикального спектра германской политической арены. В качестве примера подробно рассмотрено избирательное объединение «Граждане в гневе», представляющее собой умеренный правопопулистский сегмент праворадикального сектора. В работе изучены специфика данного объединения на фоне других праворадикальных сил, его избирательные кампании, тактика, программа и лидеры. Дается общая оценка перспективам «ГВГ»: усиление на региональном уровне возможно, попытки выхода на федеральный и европейский уровни бесперспективны.

Ключевые слова и фразы: «Граждане в гневе»; правый популизм; праворадикальный сектор; ФРГ.

Щербаков Вячеслав Юрьевич, к.и.н., доцент
Южный федеральный университет
viktklochkov@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ В ФРГ: ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ГРАЖДАНЕ В ГНЕВЕ»©

По данным Федеральной статистической службы Федеративной республики на декабрь 2013 г. численность иностранного населения Германии составляла 6 628 000 человек, что на 300 000 больше чем в декабре 2011 г. [10]. Министерство внутренних дел ФРГ отмечает, что о масштабах незаконной миграции в Германию статистическая информация отсутствует, и предпочитает ссылаться на данные, приводимые в общественных дискуссиях, где называются цифры от 500 тысяч до миллиона иностранцев, нелегально проживающих в стране [15, S. 16]. Впрочем, иногда в средствах массовой информации называют и иные цифры от – 1,5 до 2 миллионов [4].

По мере увеличения численности беженцев и переселенцев в Федеративной республике усиливаются антимигрантские и антиисламские настроения. Часть населения Германии с тревогой следит за быстрой исламизацией страны и изменением облика крупных немецких городов, в которых разрастаются анклавы, населенные преимущественно выходцами из Турции и других мусульманских стран. Антимигрантские и антиисламские призывы являются значимой частью идеологии партий и организаций праворадикального спектра. В конце 1990-х гг. к ним добавилось требования отказа от единой европейской валюты и возврата

© Щербаков В. Ю., 2014